

Ли Ян вышел из дворца императрицы, плотно закутавшись в свой плащ. Вдруг рядом с ним раздался звук, будто кто-то зовет его: "Брат".

Он повернул голову, чтобы посмотреть, и сразу же улыбнулся: "Пятый брат тоже пришел навестить матушку?"

"Я ждал тебя".

Ли Цин подошел и подал ему руку: "Только что я видел, как старший брат вошел во дворец. Он должен навестить отца".

"Как здоровье отца?"

"Не очень хорошо".

Эти двое больше не разговаривали.

Император Хун Рен слегка покашливал. Перед ним лежала груда бумаг, сложенных как небольшая гора. Доу Гунгун предусмотрительно принес чай, чтобы успокоить его горло. Закончив пить, Доу Гунгун негромко сказал: "К вам пришел Пин Ван".

"Пусть войдет".

Ли Сяо вошел, принеся с собой белоснежную фарфоровую бутылку. Он протянул ее Доу Гунгуну и сказал: "Я попросил доктора Цзи сделать несколько пилюль из ценных лекарственных трав. Отец должен принимать по одной каждый день".

Императорские врачи не только осматривали тело императора. Цзи Ин также помог оценить его состояние. Однако, кто бы его ни осматривал, диагноз был один и тот же. Он мог только медленно двигаться и принимать некоторые добавки. Однако, как правитель страны, то, что его ежедневно напрягало, действительно было чересчур.

Император Хун Рен с улыбкой согласился и позволил ему сесть напротив себя: "Тебе не нужно беспокоиться о теле Чжэня. Оно довольно хорошее".

"Отец может передать трон мне. Так ты сможешь уйти на пенсию раньше. Возможно, твое здоровье станет намного лучше".

Когда Доу Гунгун услышал это, его сердце затрепетало. Император Хун Рен, однако, громко рассмеялся: "Ты, негодяй, разве ты не знаешь, как быть более тактичным, когда говоришь?".

Однако в его выражении лица не было ни малейшего намека на ругань. Он даже позвал принести чай и прохладительные напитки для Ли Сяо: "Последние несколько дней ты работал с кронпринцем. Что ты думаешь о нем?"

"Кронпринц очень подходит для обустройства беженцев. Он очень приветлив. Когда беженцы видят меня, они все напуганы до смерти. Когда они видят кронпринца, они кажутся очень близкими".

"Его характер чистый и добрый. Он хороший ребенок".

"Этот сын слушается".

Хон Рен также сказал: "Когда вы, братья, в последний раз собирались все вместе?"

"В конце года, разве мы не ужинали вместе?"

Император Хун Рен был убежден, что "если семья живет в гармонии, то все дела будут процветать". В конце каждого года 30 числа он всегда собирал всех вместе, чтобы пообедать. Выслушав ответ Ли Сяо, он усмехнулся: "Я говорю только с вами. Разве вы давно не собирались наедине? Когда вы были моложе, разве вы не любили всегда держаться вместе и играть?"

"Сейчас мы стали старше, каждый занят своими делами. Прошло несколько лет".

"Чжэнь слышал, что Сон-эр открыл магазин горячих горшков, и еда там неплохая. Почему бы вам всем не сходить туда и не повеселиться, когда будет время?"

На старческом лице императора Хун Рена появилось выражение ожидания. Тактический отказ Ли Сяо застрял у него в горле и был проглочен обратно. Он почтительно ответил: "Я последую вашему желанию".

Вздохнув, император Хун Рен встал и отошел от стола. Его шаги были нетвердыми, как будто кости и суставы его тела уже заржавели. Ли Сяо встал и подошел, чтобы поддержать его. Медленно они подошли к окну рядом с диваном. Император Хун Рен слегка запыхался, когда сел: "Ты тоже садись. Садись здесь".

Ли Сяо сел напротив него. С этой позиции он мог видеть цветочный горшок за окном. Зима только что прошла, а эти растения уже нетерпеливо начинали распускать свежие нежно-зеленые почки.

"В первую очередь мы отец и сын. Затем правитель и подчиненный. Между отцом и сыном не должно быть так много правил и обычаев".

Ли Сяо отвел взгляд и сказал: "Этот сын понимает".

"Ян-эр, этому ребенку ты очень нравишься". Император улыбнулся, его выражение лица носило привкус угодливости и снисходительности: "Он любил ходить за тобой по пятам, когда ты был маленьким, не так ли?"

Ли Сяо улыбнулся и сказал: "Я помню".

Император Хун Рен указал на розы, растущие в цветочном горшке: "Они были выращены руками твоей матери. Помнишь, в тот год в столице была сильная снежная буря, даже больше, чем в этом году. Цветы, которые были там изначально, были раздавлены снегом и замерзли насмерть. Когда твоя мать узнала об этом, она сама перенесла воду и пересадила семена. Позже, когда она уехала, каждый год *кха-кха*... когда наступает зимнее время...". Когда он говорил слишком долго без отдыха, он начал слегка задыхаться, дыхание стало хриплым: "Чжэнь приказывал людям плотно укрывать цветы, чтобы они не замерзли. Я хочу всегда иметь возможность видеть цветы, которые она посадила своими руками".

Ли Сяо посмотрел на него и сказал: "Этого человека больше нет, какой смысл хранить цветы?"

"Для памяти". Император улыбнулся и сказал: "Ты еще молод. Ты не понимаешь".

Ли Сяо посмотрел вниз и сделал глоток чая.

"Твоя мать была из тех людей, которые четко различают любовь и ненависть. Помню, однажды Чжэнь вывез ее за пределы столицы... переоделся в одежду простолюдина, и мы отправились на юг. Я совершил налет на дом правительственного чиновника. Этот чиновник совершил бесчисленные чудовищные преступления. По закону, вся его семья в 9 поколениях должна была быть виновна по совокупности. У него был маленький сын. Сын был совсем маленьким... Правительственные чиновники, сопровождавшие нас, говорили, что сын тоже должен вернуть долг отца. Он только родился, но уже должен быть казнен. Однако твоя мать просила о пощаде для него. Она сказала, что ребенок невиновен. Этот ребенок еще даже не умел говорить. Он ничего не знал". Император спросил: "Если бы это был ты, что бы ты сделал?"

"Если бы Сон-эр что-то сказал, то я, естественно, не стал бы ему отказывать".

Отец и сын скрестили взгляды. Император Хун Рен на мгновение замолчал, а затем резко рассмеялся: "Ах ты".

Когда Ли Сяо покинул дворец, небо уже потемнело, а солнце село.

Когда он выходил из дверей, телохранитель рядом с ним привел лошадь. Однако он не сел на нее, а продолжал идти вперед. Время от времени он опускал взгляд на мощенную камнем дорогу под ногами, а иногда поднимал глаза вверх и смотрел вперед, как бы размышляя о чем-

то.

Сегодня портной прислал детскую одежду, которую они сшили по чертежам. Сон Сон потрогал их со всех сторон, они ему так понравились, что он не мог их положить. Он внимательно изучил текстуру и все мелкие нити по краям одежды. Ткань, из которой шили детскую одежду, была значительно мягче. Вышивка также была очень тонкой и изящной. Сон Сон уже не мог дождаться, когда увидит, как будет выглядеть его малыш в этой одежде, поэтому он взял кисть, сел перед столом и начал рисовать.

Сначала он нарисовал круглое нежное личико, затем маленькие ручки и ножки и крошечную одежду. Сон Сон погрузился в творческий процесс.

Когда Ли Сяо вернулся, он увидел, что Сон Сон подпер щеку одной рукой и счастливо улыбался - кто бы знал, что он себе представляет.

Ли Сяо медленно подошел к нему. Сон Сон был полностью погружен в свои фантазии и не замечал его, пока область вокруг его талии внезапно не напряглась. Он резко вскочил и в тревоге повернул лицо. Увидев, что это Ли Сяо, он просиял: "Что ты делаешь! Я чуть не умер от испуга!"

"О чем ты думаешь?"

Сон Сон задумался на мгновение, затем сказал: "Думаю о ... мужчине".

Глаза Ли Сяо сузились. Было легко почувствовать холодную убийственную ауру, которая мгновенно вырвалась из его тела. Он сказал холодным тоном: "Кто?"

Сон Сон повернулся и плюхнулся на стол, нарочито спокойно сказав: "Не скажу".

Взгляд Ли Сяо упал на бумагу под его локтем. Он протянул руку, чтобы взять ее, но Сон Сон прижался и не дал ему посмотреть. Ли Сяо вдруг протянул руку и нажал на точку на спине.

Сон Сон: "..... .."

Не могу, не могу пошевелиться!

Ли Сяо небрежно приподнял его, затем взял рисунок. Сон Сон оставался в том же положении, его глаза следили за движениями мужчины. Он хотел что-то сказать, но не мог открыть рот.

Ли Сяо посмотрел на маленького ребенка на бумаге. Его выражение лица не смягчилось: "Значит, ты думаешь об этом человечке".

Сон Сон: "...".

Пожалуйста, дай мне шанс сказать что-нибудь хорошее, чтобы порадовать тебя!

Ли Сяо бросил свиток с картинками и подхватил его. Не в силах сопротивляться, Сон Сон пересел со стула на кровать. Ли Сяо забрался на него сверху и ласково погладил его по щеке: "Кто я для тебя на самом деле?"

Выражение лица Сон Сона стало умоляющим. Ли Сяо продолжил: "Если ты просишь прощения, то моргни".

Сон Сон моргнул.

"Неужели я самый важный?"

Сон Сон снова моргнул.

Ли Сяо поцеловал его в губы. Сон Сон мог только беспомощно смотреть на потолок. Вдруг Ли Сяо засмеялся, словно забавляясь его неспособностью двигаться. Он опустил голову и снова поцеловал Сон Сона: "Сон-эр становится все более и более непослушным".

Сон Сон хотел объяснить, что это не так, но не смог ничего сказать. Ли Сяо явно был королем, но в этот момент он нагло воспользовался затруднительным положением Сон Сона и бесстыдно ласкал его. Сон Сон судорожно моргал. Наконец губы Ли Сяо переместились с его шеи на уголок глаза: "Сон-эр, похоже, тебе есть что сказать".

"..."

"Что ты хочешь сказать?"

Сон Сон думал, что в следующую секунду он наконец-то отпустит его, но Ли Сяо продолжал говорить: "Как насчет того, чтобы позволить этому королю угадать первым?"

Сон Сон закатил глаза. Разозлившись, он чуть не расплакался от невозможности ответить.

Ли Сяо прижался лбом к Сон Сону, подперев обеими руками его тело. Когда он увидел, что глаза Сон Сона стали водянистыми, он, наконец, проявил милосердие и отпустил точку давления. Как только Сон Сон смог двигаться, первое, что он сделал, это глубоко вздохнул. Затем он протянул руки, чтобы оттолкнуть Ли Сяо: "Как ты можешь так издеваться над людьми?".

"Очевидно, что это ты первый начал издеваться надо мной". Ли Сяо в ответ схватил его за руки и поднял их над головой. Избегая живота Сон Сона, Ли Сяо снова начал его лапать: "Сон-эр ужасен".

Лицо Сон Сона слегка покраснело.

Голос Ли Сяо был очень приятным на слух. Когда он говорил глубоким чарующим тоном, называя его ужасным, Сон Сон всегда чувствовал себя так, будто его что-то укусило. Все его тело онемело и покалывало. Он не смел встретить взгляд Ли Сяо, поэтому попытался сменить тему: "Сегодня ваше высочество навестили отца. Как его здоровье?"

При упоминании императора Хун Рена Ли Сяо слегка ослабил хватку. Сон Сон поспешно подтолкнул Ли Сяо, чтобы тот сел. Он поднял руки, чтобы поправить волосы, а Ли Сяо протянул руку и снова обхватил его за талию: "Отец сказал, что в прошлом мать однажды просила пощады для младенца. Отец того ребенка совершил множество преступлений, но мать верила, что ребенок невиновен".

Сон Сон мгновенно все понял и, улыбаясь, сказал: "Поздравляю, ваше высочество".

"Сон-эр не услышал смысла между его словами?"

"Император хочет, чтобы ты не вымещал свой гнев на кронпринце".

"Раз ты понимаешь, тогда почему ты думаешь, что это хорошая новость?"

"Император сказал это, значит, у него уже есть планы передать тебе трон. Естественно, это хорошая новость".

Усмехаясь, Ли Сяо обнял свое стройное тело и положил подбородок на мягкие волосы Сон Сона. Он вздохнул и сказал: "То, что ты сказал, вполне разумно".

"Что значит "вполне разумно"? Это очень разумно!"

Заявил Сон Сон уверенным и оптимистичным тоном. Затем он обнял Ли Сяо за шею обеими руками и стал тереться носом о нос Ли Сяо.

В прошлой жизни Ли Сяо был очень двуличным. Он согласился на просьбу императора Хун Рена поддержать кронпринца, но как только император умер, он тут же выгнал кронпринца. В то время он, вероятно, только хотел, чтобы император Хун Рен скончался мирно. Но в этой жизни Сон Сон чувствовал, что Ли Сяо, вероятно, прислушался бы к желаниям Хун Рена, если бы тот мог законно претендовать на трон.

Мрачное настроение Ли Сяо вновь стало радостным от его оживленных слов. Он крепко обнял Сон Сона и сказал: "Все, что ты сказал, правильно".

"Из всех добродетелей сыновняя почтительность - самая важная". Сон Сон стал хвастливым демоном: "Мой король - самый добросердечный человек в этом мире!"

Уголок рта Ли Сяо приподнялся: "И?"

"Э... Мой король также очень красив, настолько красив, что это незаконно!"

"И?"

"...." Неужели ему так понравилось, что его так хвалят?

Сон Сон продолжал говорить: "Ты самый замечательный человек, которого я когда-либо встречал. Такого, как... Боже мой! Как кто-то может быть таким замечательным!"

" Боже мой?"

"Именно так. Прямо как мой бог!... такой замечательный".

Не имеющий описаний Ванфей сказал вот так.

<http://bllate.org/book/16081/1438597>